РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ

Я мало что помню о своём отце, ведь в 1919 году, когда он умер, мне было всего три года. Но его похороны отчетливо сохранились в моей памяти. Возле отцовского гроба стоял красноармеец. Такой – в красной фуражке и с огромным ружьём со штыком, насаженным на ствол, в руке. Он стоял молча и неподвижно, будто вытесанный из гранита, и смотрел прямо перед собой куда-то в пространство. Ребята потом говорили, что если кто-то подходил ко гробу слишком близко или пробовал поднять крышку, – красноармеец делал движение, брал ружье наперевес и произносил какие-то непонятные слова. Мой брат говорил, что он и все другие пришли в военных мундирах и говорили не по-нашему.

В тот день у нас за порогом, во дворе, было много людей, которых я прежде не видел. Помню, что все они были в красных фуражках и мундирах, а приехали к нашей хате верхом на конях.

Тело отца лежало в гробу, который стоял на лавке под иконами в том углу комнаты, который выходил на восток. Припоминаю ещё, как нас, троих детей покойного – меня, моего шестилетнего старшего брата и младшего, ещё совсем маленького – привели дрожащих ко гробу прощаться с отцом. Хоть я отца и не видел, поскольку гроб был накрыт крышкой, мне сказали попрощаться с ним и поцеловать. Кто-то поднял меня на руки, и я, помню, припал губами к тому месту крышки, под которым должно было быть лицо отца. Также помню, как мама и все другие люди – родственники и соседи – причитали и плакали. Но я не плакал. Эти незнакомцы в красных фуражках, оружие, мундиры и кони завладели моим вниманием сильнее, чем отец-покойник.

Проходили года, я подрастал, и эта картина часто вспыхивала в моём воображении, пробуждая интерес. Хотелось знать, что именно произошло в тот день, но мама всегда как-то уклонялась от ответа на мои расспросы. “Отец умер”, – говорила она, а как умер и от чего умер – об этом молчала.

Так продолжалось до одного вечера, когда мы пришли домой с очередного общесельского собрания, на котором кулаков объявили “врагами народа”, – тогда мать осмелилась рассказать нам всю правду.

Земли у моего отца едва хватало на то, чтобы кормить семью, которая всё росла, и платить налоги, которые тоже всё время росли. У него было всего шесть десятин пашни, один конь (никак не мог собрать на пару к нему), корова, несколько свиней и немного домашней птицы возле хаты. Батраков он не держал, незачем было. Со всей работой справлялся сам, и делал её с удовольствием; иногда ещё и другим помогал или нанимался для заработков в городе осенью и зимой.

И всё же ему удалось выбиться в зажиточные хозяева. Воспитанный на традиционных сельских обычаях, он был трудолюбивым и неутомимым человеком. Своё небольшое хозяйство он поставил так, что соседи могли бы поучиться у него. Он, так сказать, переориентировал его на потребности рынка. Свежие овощи и фрукты – у него всегда было с чем выбраться на базар в соседние городки.

Тяжело отработав целую неделю, он каждое воскресенье имел что погрузить на свою одноконную подводу и с тем выехать на базар. Таким образом – своим трудом и изобретательностью – ему удалось копейка к копейке насобирать столько, что хватило на новую хату и самые необходимые хозяйственные пристройки, и это сразу поставило его в ряд имущих хозяев. Так изменился его социальный статус. Он стал одним из наиболее уважаемых в своём селе, вследствие чего незадолго до большевистской революции был избран сельским старостой. Это была скорее почётная должность, поскольку никакой платы за правление он не получал, но именно она и довела его до преждевременной смерти.

Когда в 1919 году большевики снова заняли Украину, отца арестовали, отвезли в уездное местечко и посадили в тюрьму.

Ему пришили ярлыки "слуги старого режима", "эксплуататора бедноты" да ещё и "буржуазного националиста", поскольку он отстаивал независимую Украину.

Всё это произошло так быстро и неожиданно, что мать сначала больше растерялась, чем испугалась за мужа. Она была уверена, что арест произошёл из-за какой-то ошибки. Ведь никто не мог обидеть его, человека порядочного, работящего и глубоко верующего, всегда готового помочь тому, кто нуждался. Мать была уверена, что тюремщики быстро разберутся, что он за человек, и отпустят его на свободу.

Но этому не суждено было случиться. На следующий день, когда она пришла в тюрьму с передачей, ей сказали, что её муж – мёртв. Хоть как глубоко поразило её это горе, её первой мыслью было, как вырвать из рук тюремщиков тело покойного и надлежащим образом похоронить его. Мать сумела сделать и то, и другое. По каким-то неведомым причинам тюремщики разрешили ей забрать тело отца домой, только под суровым запретом устраивать многолюдные похороны и открывать гроб.

Матери не оставалось ничего иного, как согласиться на эти условия. Забитый и опечатанный гроб доставил в село небольшой отряд красноармейцев.

Рассказывая всё это нам, мать была, как всегда, спокойна и сосредоточена. Она была необыкновенной личностью: я редко видел, чтобы она плакала. Оставшись без мужа в такие тяжелые и неспокойные времена, она взяла на свои плечи всё: и пахала, и волочила, и сеяла, сама косила и молотила, присматривала за скотиной, держала на себе всё хозяйство, да ещё и самозабвенно заботилась о нас, детях. В течение всех этих лет мы почти не слышали жалоб и нареканий из её уст. Наоборот, мать чаще была склонна к шуткам и смеху. Нас она наставляла на всё хорошее, велела старательно учиться в школе. Бодрая говорунья с детьми, она лишь в одиночестве могла молча погрустить и попечалиться.

После смерти отца страх неотступно преследовал нашу мать. Она боялась, что в любую минуту её могут объявить женой "ликвидированного врага народа", а это означало бы смертельную опасность для всех четверых из нашей семьи.

Долгих одиннадцать лет постоянного поединка со страхом научили её быть осторожной и держать язык за зубами. В

те годы она вынуждена была приноравливаться к каждому, чтобы не дать повода для ссор или каких-то недоразумений, что могло бы повлечь за собой это страшное обвинение.

Потому она предпочитала не рассказывать нам о замученном отце, сознавая, как горько нам будет расти, зная правду. Она была уверена, что отца замучили и убили в тюрьме. Только после того собрания, на котором открыто провозгласили об уничтожении кулаков как "врагов народа", она решила больше не молчать. Она чувствовала, что дело подходит к концу, а мы были уже достаточно большими, чтобы знать всю правду.

Придя понемногу в себя от шока, который вызвал у нас рассказ о смерти отца, мы тогда засиделись за столом, обсуждая последние сельские события. Наконец где-то заполночь легли спать. Но только мы погасили свет, как снаружи что-то загрохотало в дверь. После минутной паузы стук повторился, и чей-то незнакомый голос стал требовать, чтобы отперли дверь.

— Хлебозаготовительная комиссия, — оповестил голос снаружи.

Мы уже наслушались о гнусных делах этой комиссии и бросились открывать. Но не успели мы добежать к двери, как она затрещала, и в хату ввалилась гурьба незнакомцев.

Поскольку в хате было темно, мать бросилась зажигать лампу.

— Незваные гости! Гы-гы-гы! — послышался из темноты тот же голос, который приказывал открывать. — Я так рад вас видеть! Но где же вы здесь? Гы-гы-гы...

Это был "товарищ Хижняк".

Когда мать зажгла свет, мы увидели напротив неё четырёх мужчин, двух женщин и одного подростка, посыльного комиссии. Один из мужчин держал ружьё наперевес, будто ожидая, что из-под кровати вот-вот выскочит заяц. Всех их мы знали.

"Товарищ Хижняк" был такой пьяный, что едва ворочал языком и еле держался на ногах. Перепуганные, я и старший брат инстинктивно прижались к матери.

— Добрый вам вечер, товарищи! — дрожащим голосом сказала мать.

"Товарищ Хижняк", пошатываясь, шагнул поближе к нам.

— Много воды утекло с тех пор, как мы в последний раз виделись, — пролепетал он. — Разве не приятно вот так неожиданно ночью встретиться, а?

— Добро пожаловать, товарищи! — сказала мать, к которой уже вернулись сила воли и самообладание. — Чем я могу вам помочь? Садитесь пожалуйста.

Керосиновая лампа висела у нас над столом, в том углу комнаты, где были иконы. По сельской традиции это место считалось святым. С потолка там свисала на цепочке лампадка с оливковым маслом и фитильком, который никогда не гаснул, символизируя вечный свет. На полочке-божнице лежал освященный хлеб как символ щедрот Господних. Мы стали в этом углу, глядя прямо в глаза Хижняковой комиссии — мой брат Сергей стоял слева от матери, а я — справа.

"Товарищ Хижняк" будто не услышал маминых слов. Широко раскинув руки, он подступал с намерением обнять ее. Она подалась назад, но он беззастенчиво сгрёб её в свои лапищи. Однако мама вырвалась и со всей силы дала ему по морде:

— Отвяжись, свинья! — крикнула она.

"Товарищ Хижняк" удивительно, как для пьяного, выхватил наган. Я так же быстро, одним прыжком, закрыл собой мать, а Сергей набросился на Хижняка. Прозвучал выстрел. Пуля попала в икону, посыпалось стекло.

Этот выстрел был таким неожиданным, что все будто окаменели. Через минуту одна из женщин, увидев разбитую икону, громко заплакала. Мой младший брат кричал во весь голос, я пробовал успокоить мать, а Сергей боролся с Хижняком, который пытался ещё раз пальнуть. "Товарищ Иуда" тоже, кажется, под мухой, насмешливо бухнулся на колени и что-то тихонько мычал, будто молился.

— Да будет уже! Одумайтесь! — воскликнул в это мгновение один из комиссии, мужчина уже в годах. — Мы же пришли сюда по официальному делу!

"Товарищ Хижняк" перестал бороться с моим братом и спрятал наган в кобуру. А затем обернулся к тому крестьянину:

— Пусть кони одумываются, — пробурчал он насмешливо, — у них головы больше. А о каком это деле ты говоришь?

И он подступал к старику, смерив его презрительным взглядом.

– Все дела здесь мои! – внезапно рявкнул он. – Усёк? Мои и больше ничьи! Запомни это своей дурной, немытой, вшивой старой башкой!

Старик растерялся – он хотел что-то сказать пьяному, да куда там! "Товарищ Хижняк" никак не замолкал и дальше говорил, уже цедя сквозь зубы.

– Ты посмотри на него! – он обернулся к членам комиссии, тыкая пальцем в старого крестьянина. – "Он пришёл сюда по официальному делу" . Интересно, правда? – И снова повысил голос: – А я ещё раз говорю, что здесь все дела – мои! Я здесь представитель нашей любимой и дорогой партии и правительства! Я...

– Да я только хотел... – начал было старик.

– Заткнись! – прервал его Хижняк. А через минуту пригрозил старику:

– Я и с тобой поквитаюсь рано или поздно!

"Товарищ Хижняк" был членом большевистской партии и председателем хлебной комиссии в нашей стохатке, то есть – высшей властью. Выступить против него было всё равно, что против партии и правительства. Никто, кроме его начальства, не имел права вмешиваться в его дела. Раскричавшись во весь голос, он предупредил, что пристрелит на месте каждого, кто хоть пикнет против коммунистической партии и правительства.

Затем он обернулся к моему брату Сергею.

– А ты парень крепкий! Таки очень крепкий парень, – сказал он. – Нашей дорогой отчизне нужны такие сильные парни, как ты. Разве это не счастье иметь такое сильное молодое поколение?

Он кивнул мужчине с ружьём, чтобы тот подошёл ближе, и снова обернулся к моему брату.

– Так-так, – продолжал он тем же тоном, – наша социалистическая родина нуждается в сильных людях... – И вдруг, выпрямившись, произнес по-командирски строго:

– Именем нашей любимой коммунистической партии и нашего родного советского правительства объявляю тебя аре-

стованным за физическое нападение на официального представителя партии и правительства во время исполнения им служебных обязанностей! – И приказал вооружённому члену комиссии отвести брата в холодную.

Мама уже не могла сдерживать своего отчаяния. Громко вскрикнув, она двумя руками ухватилась за Сергея, но будучи слишком слабой, чтобы управиться с четырьмя взрослыми мужчинами, в конце концов потеряла сознание. Когда она пришла в себя, Сергея уже не было в хате.

Через минуту-другую после этого Хижняк опять взялся за своё "дело", будто ничего и не произошло.

– Так вот, как тебе уже известно, мы пришли по очень важному делу. "По официальному делу", как выразился наш товарищ, – кивнул он с кривой ухмылкой на пожилого крестьянина. – Это вправду очень серьёзное дело.

Мать поднялась и отвела рукой растрёпанные волосы.

– Прежде чем вы приступите к официальному делу, какое там оно у вас, я требую, чтоб вы показали ордер на арест моего сына, – проговорила она чётко и звонко.

Мы все были поражены.

– Я всего лишь беспомощная вдова, – сказала она затем. – Вы можете делать со мной, что захотите, поскольку я не смогу защититься от вас. Но пока я жива – я буду протестовать против того, что вы силой ворвались в мою хату.

Такой протест – это было что-то неслыханное. За такие слова могли наказать заключением на всю жизнь или даже расстрелять. На то время люди давно уже и забыли, что на арест или обыск нужны какие-то официальные ордера и разрешения. "Товарищ Хижняк" и его стая чуть не до икоты рассмеялись, услышав мамино требование. Потом Хижняк подошёл к нам и сказал:

– Слушай, голубушка, ты меня лучше не пугай. Меня никто не испугает. Я уже не раз был в стычках...

Когда мать попробовала ещё что-то сказать, он перебил её, намекнув, что ему известна судьба её мужа и что в случае чего нетрудно будет сделать и с ней то же самое.

– Я знаю, на что вы намекаете, – ответила мама, не меняя тон. – Но будь что будет, а я всё-таки гражданка и требую справедливости и соблюдения моих прав.

— Ну, раз так, — и он прицелился в нас из нагана, — раз так, то как законопослушную гражданку я беру тебя под арест. И тебя тоже! — смеясь, он ткнул наганом в мою сторону. А потом приказал нам обоим повернуться к стене и не двигаться.

Тем временем комиссия взялась за своё "официальное дело" — обыск неизвестно с какой целью. "Товарищ Хижняк", всё ещё поигрывая наганом, стал шастать по всем закоулкам, даже в печку заглянул.

Перевернув всё в кладовке, Хижняк перешёл к комнате, где в сундуке под замком мама сохраняла свою праздничную одежду, украшения и всякое такое. Через минуту оттуда послышался выстрел.

Мы с мамой бросились в ту комнату. Там "товарищ Хижняк" поднимал кришку сундука. Чтобы не морочить себе голову ключом, который нужно ещё было просить у мамы, он просто сбил замок. В углу за кроватью плакал Миколка, мой меньший брат.

Когда мать и я появились на пороге комнаты, Хижняк поднял наган и выстрелил над нашими головами.

— Ану назад! — приказал он.

Мы отступили, и он закрыл за нами дверь.

Через минуту-другую Хижняк возвратился. В одной руке он держал книжку, а в другой — ювелирные изделия, если можно так назвать немудреные украшения крестьянки, её памятку со времён девичества.

— А ну, товарищ гражданка, извольте объяснить, что это значит?

— Книжка — это Библия, а это — то, что вы видите.

— От кого вы их прячете? — он показал на свои находки. — И откуда они у вас?

— Вы сами знаете, что ниоткуда. Это всё моё! — гневно ответила мама.

Но напрасно она пыталась доказать, что Библию никто не собирался прятать и что кольца и серьги принадлежат ей издавна, ещё до революции, и что в своей хате не было потребности от кого-то все это прятать.

— Библию ты прятала с целью религиозной пропаганды, а ювелирные украшения не твои, и твоих свояков. Кулак всегда будет кулаком, — значительно произнес он.

Лишь теперь Хижняк объяснил нам, что всех троих моих дядей объявили кулаками и арестовали. И завтра из отправят в ссылку, а всё их имущество – экспроприируют. "Официальное дело" комиссии, присланной к нам, сводилось к тому, чтобы найти в нашей хате то, что родственники могли дать нам из своих вещей припрятать. Закончив обыск, комиссия ушла, оставив нас растерянными и перепуганными, да ещё и с новой заботой: что будет с Сергеем и нашими дядьями?